

Интересы церкви как феодального собственника затрагивало и непризнание стригольниками обрядности, связанной со смертью человека. По словам Стефана Пермского, стригольники учили, что „не достоин де над мрътвыми пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносить к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго“.¹ Из этих слов обличителя стригольников видно, что они отрицали необходимость заупокойных молитв, а также тех приношений в церковь — приносов, милостыни и, очевидно, вкладов по душе, — которые делались с целью обеспечения спасения души умершего. Проповедь стригольников, направленная против заупокойных молитв и связанных с ними обрядов, весьма чувствительно задевала материальные интересы церкви, так как „приносы“ и „милостыня“ были одной из статей доходов духовенства; что же касается вкладов по душе, то эти вклады являлись существенным источником расширения земельной собственности церкви, так как они часто совершались вкладчиками в форме передачи церкви своих земельных владений.

Таким образом, в выступлениях стригольников против монашества, церковного стяжательства, заупокойных молитв и связанных с ними приносов ярко сказалась социальная направленность их учения, поскольку все эти выступления в той или иной мере были направлены против материальной основы церкви — церковной собственности и в первую очередь церковного землевладения.

Если в своих выступлениях против организационных принципов и материальных основ православной церкви стригольники показали себя смелыми обличителями и борцами против церкви как института феодального общества, то в своей критике церковных догматов и таинств они выступали как носители новой, включающей элементы рационализма и гуманизма² идеологии.

Господствующей традиционно-религиозной идеологии с ее требованием обязательного слепого подчинения авторитету священного писания стригольники противопоставляли пытлиное критическое мышление, к догматам веры они стремились подходить с позиций разума. Эту характерную черту идеологии стригольников отмечает Стефан Пермский, по словам которого, как некогда дьявол через змея соблазнил Адама, говоря: „Послушай мене: не язь от древа животного, но язь от древа разумнаго; аще не снеси от древа разумнаго, не разумети ти ни добра, ни зла“, так и теперь дьявол не перестает прельщать род человеческий через стригольника, который „противно Христу повелевает, яко от древа животного, от причастия удалитися, яко древо разумное показая им писание книжное, еже и списа на помощь ереси своей“.³

Итак, „писание книжное“, в котором, очевидно, было изложено учение стригольников, их оппонент приравнивает к библейскому древу разумному, вкусив плод которого человек мог познать добро и зло. Этим сравнением, как нам кажется, подчеркивается то, что учение стригольников было проникнуто критическим рационалистическим духом, что к догматам веры они подходили с меркой разума, пытаясь познать добро и зло, отделить истинное от неистинного.

О критическом рационалистическом направлении идеологии стригольников свидетельствует также их отношение к священному писанию.

¹ РИБ, VI, стр. 224.

² Говоря об элементах гуманизма в мировоззрении стригольников, мы имеем в виду свойственное их учению подчеркивание значения человеческой личности как активного начала (см. стр. 111 настоящей статьи).

³ РИБ, VI, № 25, стр. 213—214.